

ЦЕННОСТНЫЙ КРИТЕРИЙ РАЗМЕЖЕВАНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Анна Баюжева

Национальный технический университет Украины «Киевский политехнический институт»

Анотації:

При упоминании гуманитарной сферы знания стереотип на уровне не только массового, но и специализированного научного сознания предполагает жёсткую дифференциацию гуманитарной и естественнонаучной сферы знаний. Хотя любой стереотип не лишён некоторых издержек, в целом такая демаркация структурных компонентов научного компендиума себя оправдывает ввиду выразительного отличия сущностных особенностей гуманитарной и естественнонаучной сфер знания. Гораздо сложнее дело обстоит с разграничением гуманитарных и общественно-политических дисциплин: многие исследователи такую дифференциацию вообще считают надуманной, излишней. Но если существуют хотя бы незначительные сущностные, содержательные различия этих сфер знания, то их осмысление является весьма важной теоретико-методологической задачей.

Баюжева Анна. Ціннісний критерій розмежування гуманітарних та соціальних наук.

При згадці про гуманітарну сферу знання стереотип на рівні не лише масової, а й спеціалізованої наукової свідомості передбачає жорстку диференціацію гуманітарної та природничо-наукової сфер знання. Хоча будь-який стереотип не позбавлений деяких вад, у цілому така демаркація структурних компонентів наукового компендіуму себе виправдовує, зважаючи на виразні відмінності сутнісних особливостей гуманітарної та природничо-наукової сфер знання. Значно складнішим є розмежуванням гуманітарних та суспільно-політичних дисциплін: чимало дослідників таку диференціацію взагалі вважають надуманою, зайвою. Але якщо існують хоча б незначні сутнісні, змістовні відмінності цих сфер знання, то їх осмислення набуває ознак важливого теоретико-методологічного завдання.

Bayuzheva Anna. Evaluative criterion for delimitation of humanitarian and social sciences.

When referring to the humanitarian sphere of knowledge, the stereotype at the level of not only mass but also specialized scientific consciousness assumes a rigid differentiation of humanitarian and natural science fields of knowledge. Although any stereotype is not without some flaws but generally such demarcation of structural components of the scientific compendium is justified in view of the essential differences between the expressive features of the humanities and natural sciences spheres of human knowledge. Much more difficult is the case with the division of the humanities and socio-political sciences: many researchers generally consider such differentiation as far-fetched and redundant. But if there are even slight intrinsic and essential differences between these areas of human knowledge, their comprehension might be a very important theoretical and methodological issue.

Ключові слова:

гуманитарная, общественно-политическая и естественнонаучная сферы знания, критерии, содержательная демаркация, ценностный маркер, теоретико-методологические задачи.

гуманітарна, суспільно-політична та природничі сфери знання, критерії, змістова демаркація, ціннісний маркер, теоретико-методологічні завдання.

humanitarian, socio-political and natural sciences sphere of knowledge, criteria, meaningful demarcation, axiological marker, theoretical and methodological issues.

В последние десятилетия методология гуманитарных наук активно развивается, генерирует новые подходы и порождает дискуссии по мере того, как возрастает объем научных знаний и углубляется уровень отображения в них закономерностей, реального мира, усиливается стремление к анализу и обоснованию методов и средств, с помощью которых происходит накопление нового знания. Сфера гуманитарного познания занимает значимое место в системе наук, поскольку она интегрирует всю совокупность методологических, принципов и концептуальных установок, направленных на осмысление социального бытия. Тем не менее, в отличие от комплекса естественных наук, гуманитарные науки развиваются в условиях отсутствия консенсусной, общепризнанной парадигмы. Сегодня возникла необходимость переосмысления теоретико-методологических основ гуманитарного познания. Для решения этой задачи необходима философская рефлексия ключевых методологических подходов гуманитарных наук.

Методологию гуманитарных наук обогатили представители «философии жизни», феноменологии и экзистенциализма: А. Бергсон, Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти, Х. Ортега-и-Гассет, С. Франк, М. Хайдеггер, Г. Шпет, А. Шютц, К. Ясперс. Классическую рефлексию методов научного гуманитарного познания, актов понимания и интерпретации продемонстрировали представители герменевтики и диалогической философии: Ф. Шлейермахер, М. Хайдеггер, М. Бубер, М. Бахтин, Х.-Г. Гадамер, Ю. Лотман, П. Рикер. Лингвистический поворот» рубежа XIX–XX вв. привёл к пристальному вниманию философии и науки к роли языка и речевых практик. Исследованием форм текстового и культурного смыслополагания на разных этапах развития гуманитарной мысли занимались Р. Барт, Л. Витгенштейн, Л. Выготский, А. Потебня, Б. Рассел, Э. Сепир, Ф. де Соссюр, Р. Якобсон. Существенную роль в развитии понятия метода в гуманитарном исследовании сыграл структурно-функциональный подход. Проблемы сохранения «субъектной дистанции» и

«культурной адаптации» изучаемых форм и процессов занимались К. Гирц, К. Леви-Брюль, Б. Малиновский, М. Мид, К. Леви-Строс, В. Пропп. Представители постмодернистской парадигмы (в частности Р. Барт, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ю. Кристева, Ж. Лакан, Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко) обосновали проблематичность истины (смысла) в гуманитарном исследовании. «Нарративная философия» углубила понимание таких языковых феноменов, как метафора, риторика, интертекстуальность. Основное внимание было уделено кодовым правилам гуманитарного дискурса, а также воздействию текстуальности культуры на методологию гуманитарных наук.

Гуманитарная мысль в России (С. Аверинцев, Ю. Апресян, М. Бахтин, Л. Выготский, А. Лосев, Ю. Лотман, А. Потебня, В. Пропп, С. Франк, Р. Якобсон) внесла существенный вклад в анализ деятельности, игры, символа, функции, коммуникации, жизненного мира. Инструментальный потенциал синергетического подхода в социальных науках нашёл отражение в исследованиях В. Аршинова, И. Касавина, Л. Киященко, Е. Князева, С. Курдюмова, В. Поруса, В. Степина, Л. Тищенко, В. Швырёва и др. Существенную значимость для теоретико-методологической актуализации гуманитарного познания и его интеграции с естественными науками представляют работы современных философов и методологов науки: Н. Автономовой, П. Гайденко, И. Касавина, В. Лекторского, Е. Мамчур, Л. Микешинной, В. Поруса, В. Розина, М. Розова, Г. Рузавина, В. Степина, В. Швырева, Б. Юдина. В исследованиях этих учёных нашли отражение вопросы становления и эволюции науки, онтологические и гносеологические аспекты научного познания, осуществлена рефлексия исторических форм и типов научной рациональности, осмыслена проблематика гуманитарного познания в современном контексте.

Гуманитарная мысль рождается как мысль о чужих мыслях, волеизъявлениях, манифестациях, выражениях, знаках. Собственно, специфика гуманитарной мысли как раз и заключается в том, что она направлена на чужие мысли, смыслы и значения. В рамках гуманитарного знания мир предстает перед человеком не вещественным и натуралистическим, а духовно-смысловым, подлежащим пониманию и осмыслению. Гуманитарное познание стереоскопично по отношению к объекту. Оно выстраивается в нескольких пространственно-временных срезах, в контексте сопричастности культур друг другу. Гуманитарные науки являются необходимым связующим звеном, объединяющим

экономическую, политическую и социальную жизнедеятельность общества. Они тесно взаимодействуют с аксиологическим императивом общества, выстраивая основания общезначимого морального, ценностного и идейно-мировоззренческого норматива. «Гуманитарные науки – это науки о человеке в его специфике, а не о молчаливой вещи и природном явлении. Человек, согласно его человеческой специфике, всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы потенциальный). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки» [2, с. 281–282].

Предмет гуманитарных наук – мир человека, а задача – формирование и развитие человеческой личности. Для решения этой задачи и достижения таких целей необходимо познание мира человеческой субъективности. Поэтому гуманитарному знанию изначально, априорно присущ понимающий и диалогический характер (субъект-субъектные отношения). Именно благодаря пониманию осуществляются наши отношения с миром. Объектом гуманитарного познания является смысл, который образуется в результате декодирования, интерпретации текста. Цель гуманитарных наук – формирование полноценной личности, содействие тому, чтобы межличностные отношения способствовали «очеловечению» общественной жизни. К гуманитарным наукам относятся, прежде всего, те, которые выявляют и осмысливают особенности человека и его жизни – это философская антропология в широком ее понимании. Гуманитарным наукам и учебным дисциплинам свойственно субъективирование предмета своего исследования. Они построены на основе антропоцентристской парадигмы. Гуманитарии рассматривают жизненные события и факты сквозь призму культуры, оценивают и обобщают их с позиции заинтересованного участника или наблюдателя, который находится в определенном культурном пространстве, действует в конкретном историческом контексте.

Следует признать, что современное состояние гуманитарного познания характеризуется значительной неопределенностью в вопросе его научности. Этот проблемный аспект усиливается «неточностью» гуманитарного исследования, обусловленной онтологическими и гносеологическими причинами. К первым можно отнести наличие ценностно-смыслового бытия субъекта и объекта гуманитарных наук, преломление мировоззренческих установок в субъект-объектных отношениях. Гносеологические причины сводятся к тому, что гуманитарное исследование всегда зависит от мировоззренческой направленности и

аксиологической иерархии субъекта. Согласно М. Веберу, «гуманитарное познание представляет собой не просто изучение некоторого явления, но одновременно его конституирование, смысловое и ценностное структурирование» [6]. Современное гуманитарное знание обладает несколькими характерными особенностями. В частности, специфику его концептуального базиса определяет роль оценочных актов – процедур, осуществляющих оценку, определение значимого в рамках познания. Такие процедуры позволяют «вписать» гуманитарный материал в современность, сделать его трансисторичным, когерентным практически любому конкретно-историческому статус-кво. Что же касается ценностной динамики и лабильности, то этот аспект обусловлен полисемичностью фактов, неоднозначностью истины и мировоззренческим плюрализмом.

Ценности не только осуществляют разграничение значимого и второстепенного, но и формируют понятийный и категориальный каркасы гуманитарных наук. Иными словами, гуманитарно, социально и исторически существенными могут стать только те объекты, которые имеют значение для общественных или социальных интересов. В работе гуманитария большее значение имеет аксиологическое отношение к факту или событию, а не идеи, нейтральные с точки зрения ценностей современного общества. Ценностный подход к изучаемому явлению в гуманитарных науках неизбежен. Применительно к исторической науке В. Тугаринов настаивал, что проблема ценностного подхода в ней – это проблема ее классовости и партийности, то есть проблема ценностей определённых социальных групп и прослоек. И никакие заклинания по поводу «чистой объективности» в этой науке не могут быть реализованы в принципе – ни априори, ни апостериори.

Основным критерием разграничения естественных и гуманитарных наук являются не методологические особенности, а аксиологическая функция. Аксиологическая и гносеологическая функции гуманитарных наук неразрывно связаны с выбором и степенью конкретно-исторической актуальности объектов исследования, с их интерпретацией. Показательно и вполне закономерно, что в наше время в гуманитарных науках доминируют направления, которые обеспечивают реализацию ценностей информационного общества, без которых невозможно достижение экономических, политических и социальных целей, невозможно общество современного образца. Такие формы гуманитарного знания, как философия, история и эстетика представляют собой не просто *знание*, а

знание ценности того или иного объекта для человека. Возникает вопрос: в системе каких ценностей должна формироваться личность и какое понимание личности следует признать корректным, адекватным? В этом контексте актуализируется аспект смысловых параметров творчества и идеала личности.

Гуманитарная сфера ответственна за формирование творческих способностей человека, за перенос центра деятельности на человека – его творчество, разум, воображение, волю. В динамично развивающемся мире первостепенное значение имеет формирование способности к нестандартным, принципиально новым решениям и действиям. Несмотря на стереотипизированное противопоставление научной и ценностной сфер, наука не может функционировать вне и независимо от ценностного компендиума; она сама по себе является ценностной системой, поскольку порождена потребностями человека – эмоциональными, когнитивными, экспрессивными, эстетическими и другими, – которые по своей природе являются ценностными. Если культура ставит перед человеком целевые ориентиры, то наука занимается причинами явлений. Мы не находим целевых приоритетов и предпочтений в природе; мы сами их создаем, следуя ценностям, представлениям о должном. Наука же исследует то, что есть. Здесь резонно заметить, что, хотя ценности, как и другие понятия культуры, не создаются наукой, однако они вполне могут быть предметом научного исследования.

Человеческая страсть к искусственным классификациям и болезненное желание навязать свою точку зрения природе, руководствуясь субъективными побуждениями и следуя своим неосознанным ценностям, предубеждениям и стереотипам является извечной и – вполне возможно – неустранимой. Если идеальная цель науки состоит в том, чтобы свести к минимуму влияние человеческих детерминант, то к этой цели нас приблизит не отрицание человеческого фактора в науке, а перманентное и всякий раз более глубокое его осознание, познание и учётывание. И не следует забывать, что наука – лишь один из способов осмысления реальности природы, общества и человека. На самом деле, творческая деятельность имеет не меньшую ценность и инструментальную эффективность, чем научный труд. Проблемность гуманитарного знания обусловлена тем, что его объектом является не сфера эмпирических значений, а пространство человеческих ценностей и смыслов. Это обстоятельство ставит под сомнение научность дисциплин гуманитарного профиля. Историческая неисчерпаемость, неоконча-

тельность и незавершённость субъекта и объекта придаёт гуманитарным наукам некую «неточность», ставит под сомнение их научные основания. Ещё один существенный аспект, ставящий под сомнение научность гуманитарного знания, – трудность генерализации и обобщений в этой гносеологической и эпистемологической сфере.

Проблема объективности гуманитарного познания – одна из самых сложных в философии. Это связано со стереотипизированной несовместимостью самого понятия объективности с характером гуманитарного знания – дескать, объективным может считаться знание, содержание которого не зависит от субъекта познания. Однако исследования XX века убедительно обосновали, что любое познание (особенно гуманитарное) является ценностным и идеологически нагруженным, что мировоззрение субъекта познания неуклонно влияет на познавательный процесс и в определенной степени «искажает» содержание знания. Объективность содержания знания обусловлена тем, что за знанием всегда стоит объективная действительность. Диалектика субъективного–объективного в познавательном процессе заключается в том, что субъект познания, пользуясь своими познавательными способностями и опытом (субъективными средствами), обретает объективное знание о мире (объективную истину). Объективность–независимость содержания знания от субъекта вовсе не означает исключение активности последнего из процесса получения знания. Предназначение гуманитарных наук – в воздействии и изменении морально-нравственных основ человеческого сознания, его познавательных способностей. Именно в этом состоит сущностное отличие гуманитарных наук от естествознания.

Базовой идеей методологии гуманитарных наук является их ценностно-преобразовательное целеполагание. Гуманитарные науки, подобно естествонаучным и точным дисциплинам, формируют теории с опорой на идеалы рациональной обоснованности. Суть различия – не в средствах и методах, а в специфике изучаемого материала: если теоретичность естествознания стремится к номологичности, т. е. выявлению существенно-необходимых связей и устранению какой бы то ни было ситуативности в исследовании, то для гуманитарных наук – напротив – крайне важно апеллировать к экзистенциональному субъекту и задействовать личностные модальности в теоретические рассуждения. Объекты гуманитарных исследований требуют методов, передающих индивидуальное и, в то же время, достигающих

универсального смыслового единства. При этом использование таких методов естественных наук, как математизация, эксперимент и моделирование, затруднительны для использования в гуманитарных дисциплинах. Впрочем, необходимо отдавать себе отчет в том, что не существует принципиальных запретов на перенос методов из одной науки в другую. Более того, во многих случаях это обеспечивает положительный результат – как в естествознании, так и в гуманитаристике.

Напрашивается вопрос: «Почему всё-таки теория в гуманитарных науках организована не так, как в естественных? Причин несколько. Одна из них – различие в этих науках идеалов и норм организации научных знаний; в гуманитарной науке сплошная, непрерывная дискурсия и систематизация скорее осуждаются как признак физикализма, чем приветствуются. Другая причина – необходимость обосновать и оправдать свои ценности, подход к объекту изучения, имея в виду несовпадающие с данным подходом другие теоретические точки зрения на тот же предмет. Немаловажно и то обстоятельство, что в гуманитарной науке сам образ, идеал гуманитарной науки окончательно не сформировался, он ещё дискутируется» [6].

Выразительное сущностное размежевание гуманитарных и естественнонаучных дисциплин осуществил М. Бахтин: «Точные науки – это монологическая форма знания: интеллект созерцает вещь и высказывается о ней. Здесь только один субъект – познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся). Ему противостоит только безгласная вещь. Любой объект знания (в том числе человек) может быть воспринят и познан как вещь. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогическим. *Гуманитарные науки* – науки о духе – филологические науки (как часть и в то же время общее для всех них – слово). Всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами. Комментирование. Диалогичность этого соотнесения. Понимание как соотнесение с другими текстами и переосмысление в новом контексте» [2, с. 384–385]. Как резонно заметил В. Розин, «различие между гуманитарным и негуманитарным познанием особенно очевидно на начальных этапах построения научного предмета... Гуманитарий должен постоянно следить, имеет ли он дело с тем же объектом, или последний уже давно выскользнул из теоретических сетей, изменился, развился (сам или в результате гуманитарного познания), или же изменился

взгляд самого исследователя на объект. Когда объект меняется (например, рефлексивно реагируя на теоретическое знание о нём), или просто эволюционирует, или же меняется подход исследователя к объекту, то начинается новый цикл гуманитарного познания, создаются новые интерпретации, на их основе формулируются эмпирические знания и закономерности и затем уже на основе этих знаний и закономерностей формируются идеальные объекты, теоретические знания, процедуры их построения и, наконец, теория» [6].

Сложно оспорить точку зрения, согласно которой «предмет гуманитарных наук – *выразительное и говорящее* бытие. Это бытие никогда не совпадает с самим собою и потому неисчерпаемо в своем смысле и значении» [2, с. 386]. С этим концептуальным акцентом созвучен иной: существенной «особенностью гуманитарной науки является ее «понимающий характер», тесная связь с живыми проблемами культурной жизни, сплошная ответственность гуманитарного ученого перед жизнью культуры. В связи с этим в гуманитарной науке происходит непрерывное изменение проблематики, более часто, чем в естественной науке, обновляются теоретические подходы и проблемы, а «вечные проблемы и вопросы» ставятся заново и иначе» [6]. Действительно, характерным сущностным и критериальным признаком гуманитарных наук является широкое использование «модели понимания» как схватывание смысла», а смысложизненными аспектами человеческого бытия оперируют аксиологическим способом. Межличностная коммуникация и диалог не являются чем-то внешним по отношению к индивиду, а относятся к глубинной структуре его индивидуальности, его сознания, его Я. Как аргументировано обосновал М. Бахтин, каждый из нас существует не столько потому, что мыслит и осознает, сколько потому, что отвечает на вопрос другого человека. Диалог, диалогическая процедура, которая обеспечивает интерпретацию и переинтерпретацию, – это основная возможность существования индивидуальности, то, что высвечивает внутреннюю сущность человека эпохи информационного общества.

Социальная и индивидуальная действительность не всегда поддаются анализу с позиций закономерностей причинно-следственной детерминации. Здесь естественнонаучное сознание обязано признать свою ограниченность, учитывая, что познание духовного, идейного и социально-политического бытия невозможно эффективно осуществить при помощи индуктивных методов естественных наук. Такие категории, как свобода,

справедливость, достоинство и им подобные крайне сложно изложить в количественных терминах – они нуждаются в интерпретационном инструментарии, который способен отразить их качественную сущность, закономерности и особенности генезиса. В наше время всё более выразительной становится тенденция перехода от «канонического» типа мышления к «интерпретирующему». Именно интерпретативный способ философствования «снимает» непримиримость методологических оппозиций, трансформирует её в проблематику дискурса. К слову, предметом гуманитарных наук является не просто бытие, а бытие проинтерпретированное. Функциональный приоритет гуманитарного знания можно определить так: ценностно раскрасить мир, наполнить его смыслом, сделать когерентным человеку.

Интерес философии к проблематике понимания связан, в частности, с тем, что исследование природы и функционального призвания языка, различных аспектов исторического и социального бытия человека, глубинного взаимодействия дисциплин приобретает всё более выразительное философское значение. Герменевтика – наука о понимании – имеет чётко выраженное философское содержание. Она является самосознанием понимания, а поскольку понимание – способ бытия человека в культуре, то герменевтика оказывается еще и самосознанием культуры. Понимание – это способ познания и бытия человека в мире, универсальный многоуровневый процесс освоения действительности, постижения и реконструкции смыслового содержания явлений с имманентно присущей ему методологической формой диалога. Под многоуровневым процессом следует понимать согласование понимающих и объясняющих схем знания и познания.

Возможности понимания базируются на разумности человека, на обусловленности его поведения объективными причинно-следственными связями, законами и зависимостями, которые могут быть освоены рационально. Глубина понимания является основным критерием научности гуманитарного поиска, задачи которого бинарны: понимание смысла и одновременно включение освоенного, принятого, легитимированного на уровне стереотипов сознания смысла в конкретно-исторический контекст. Познавательные качества гуманитарного знания – в отличие от знания естественнонаучного – измеряются в терминах не технико-утилитарных, а гуманитарно-преобразовательных. Содействие, обеспечение личностного роста – вот целевой ориентир,

функциональное призвание и наивысшая оценка познавательных качеств гуманитарного знания. Поскольку наличие таких качеств – результат адекватного освоения мира средствами понимания, то глубина и полнота понимания являются ключевыми критериями научности гуманитарного знания. Среди критериев глубины понимания следует обозначить, во-первых, реалистичность восприятия исследуемого материала, во-вторых, способствование этих оценок всестороннему развитию человека.

Понимание – это всегда введение объектов понимания в некую систему смыслов. Оно базируется на закрепленных социально-исторически, инвариантных структурах человеческой деятельности. В самом широком определении понимание по своей сути является освоением того, что непонятно. В философском смысле понимание – это адекватное восприятие целостности (системы) в условиях сложного взаимоотношения частей (элементов). Даже если речь идёт о понимании некой части целого, то адекватность её восприятия предполагает уяснение значимого контекста, детерминативного влияния сферы функционирования данного элемента. К концу XX в. аспект понимания постепенно превратился из узкоспециального в ведущую философскую проблему, которая обрела универсальный статус. В наиболее абстрактном виде понимание является процессом, в ходе которого осознаваемая субъектом действительность через сложный комплекс процедур конструирования и придания смысла обретает своё специфическое значение. Понимание – это духовно-практическая сторона любой деятельности, характеристика сознания и самой способности мыслить. Понимание целесообразно воспринимать как форму познания окружающей действительности. В таком случае этот феномен можно изучать в контексте знания, науки, интуиции и интерпретации. Различают следующие типы понимания: *герменевтика* (понимание как интерпретация, выявление и реконструкция смыслов и значений текста), *индивидуально-психологический* (понимание как особый эмоционально-психический акт постижения сущностных статус-кво), *экзистенциальный* (понимание – способ существования человека как сознательного существа).

Весьма убедительно концептуализированы «пять уровней содержания гуманитарности» Г. Тульчинским: «1) ядро гуманитарности образует проблема свободы; 2) носителем свободы и духовного опыта сознания является личность, границы которой (временные и пространственные) определяются и задаются пределами свободы как ответственности;

3) психосоматической основой личности является человек как представитель определенного биологического вида; 4) формирование и развитие человеческой личности обеспечивает культура. Освоение конкретных культур обуславливает социализацию и индивидуализацию личности... Соответствующая система ценностей обуславливает определенные особенности гуманитарной парадигмы и подходы к ее осмыслению. Такими подходами являются *инфраструктурность культур* (среда, условия существования и развития: от ландшафта и экономики до политического менеджмента и права), *антропологический* (проблемы человека, его существования и т. п.), *культурологический* (культуры, субкультуры, нормативно-ценностная система, фундаментальное значение культурной идентичности), *персоналогический* (формы, условия, гарантии сосуществования личности, в том числе – носителей различных идентичностей, их самореализация, творчество) и, наконец, самый главный, стержневой, на который наслаиваются все другие – *метафизика нравственности, проявление свободы воли*» [7, с. 540].

Как резонно заметил В. Андрущенко, «без гуманизма и его носителей – интеллигенции университетского уровня образованности – общество существовать не может. По крайней мере, не может быть цивилизованным. Специалист технического профиля, не получивший гуманитарного образования, никогда не сможет управлять производственным коллективом, не поймет человека как такового. Его узкотехническое мировоззрение может работать исключительно в сфере технического творчества. Человек с его многогранными потребностями, связями, а тем более – эмоциями, симпатиями и ожиданиями – останется для него «закрытой книгой». Своеобразное предисловие к ее прочтению формирует гуманитарное образование» [1, с. 10]. Особенность гуманитарно ориентированного индивида состоит в том, что он «отказывается признавать научно-инженерную обусловленность и причинность не вообще, а в отношении жизни человека и общества. Он убежден, что это – духовные образования, к которым нельзя подходить с мерками технической культуры. Для него это – живые субъекты, их важно понять, услышать, с ними можно и нужно говорить (отсюда роль языка), но ими нельзя манипулировать, их нельзя превращать в средства. Для инженера гуманитарий нередко выглядит и ведёт себя как марсианин (поскольку, живя в мире технической цивилизации, он не хочет признавать этот мир), для гуманитария технически ориентированный человек не менее

странен (технический человек и технический мир напоминают некое устройство, устрашающую или, напротив, удобную машину)» [6].

Ещё одним существенным характерным признаком гуманитарной сферы является философия как первооснова и одновременно квинтэссенция гуманитаристики, которая «начинается там, где кончается точная научность и начинается иррациональность. Ее можно определить как метаязык всех наук» [2, с. 385]. Если полиаспектное сущностное различие гуманитарного и естественнонаучного знания является чем-то едва ли не самоочевидным, то содержательно-функциональный антагонизм составных частей гуманитарного знания до сих пор пребывает на периферии мировоззренческой рефлексии. В действительности же эта сфера содержит множество проблемных аспектов, содержательных неувязок, функциональной иронии и функциональных коллизий. Даже структурирование гуманитарного компендиума является предметом острого концептуально-парадигмального противостояния. Научная литература часто оперирует понятиями «гуманитарные», «социальные», «общественно-политические», «филологические» и т. п. дисциплины, но испытывает грандиозные трудности с их сущностной демаркацией. К примеру, очень непросто разграничить социальные и общественно-политические науки. Впрочем, самые большие трудности сопряжены с указанием содержательных пределов гуманитарных дисциплин. Возможно, по этой причине многие предпочитают оперировать термином «гуманитарная сфера», который является более аморфным и неопределённым, чем «гуманитарные науки».

Согласно железобетонному стереотипу, царящему на уровне не только массового, но и научного сознания, в генеалогическом и функционально-инструментальном смысле социальные и гуманитарные дисциплины являются едва ли не сиаемскими близнецами. На самом деле, взаимодействие социальных и гуманитарных наук имеет много подводных рифов, которые существенно усложняют «этикет» взаимоотношений. Культурные смыслы и стратегические задачи гуманитарной сферы существенно отличаются от смыслов и задач социализации, часто взаимодействуют с ними в антагонистическом противоречии. Если цель гуманитарных наук – исследование субъективных аспектов действительности и анализ ценностей субъекта, то социальные науки выявляют и описывают объективные социальные закономерности, которые могут привести к достижению субъективных целей и ценностей, равно как и оказаться непреодолимой преградой

на этом пути. Ещё одна фундаментальная нестыковка состоит в том, что если гуманитарные науки ориентированы на «очеловечивание» социума, то социальные – на «овеществление» человека. Попытка же выстроить суммарный, «интегрирующий» вектор взаимодействия априори сомнительна хотя бы потому, что обе целевые парадигмы зачастую имеют настолько разнонаправленные векторы, что взаимоотрицают друг друга. В этом контексте вопрос о гуманитарной адекватности социальных наук и социальной адекватности гуманитарных наук, ранее считавшийся надуманным ввиду коррелятивной самоочевидности и взаимодополнимости социальных и гуманитарных сфер, ныне представляется весьма непростым, если не сказать больше – некорректным, но уже по причине несовместимых целеполагающих и аксиологических установок, приоритетов и предпочтений.

Гуманитарное знание акцентирует внимание на индивидуальности, уникальности и неповторимости человека. Определяющей ценностью выступает личность, поскольку развитие именно её потенциала, процесс творческой самоактуализации является базальтернативной целью общественного развития. «Гуманизация предполагает отношение к человеку как к субъекту, признание его прав на духовный суверенитет. Концепция гуманного образования отдаёт предпочтение субъект-субъектному процессу, где обучающийся является активным, инициативным, готовым к коллективной интеллектуальной деятельности, достижимой, прежде всего, средствами проблемно-диалогового обучения. Активность мотивируется способом осознания внутренней свободы, признанием права на выбор» [4, с. 51]. Ключевым в аспекте гуманизации является целевой приоритет самореализации, процесс максимально полной реализации личностью творческого потенциала и осуществления своих возможностей, достижения намеченных целей в решении значимых проблем. Самореализацию личности следует понимать как а) реализацию сущностных сил, б) максимальное раскрытие творческого потенциала, в) предельно полное использование способностей, талантов, возможностей в стремлении раскрыть себя. Помимо самореализации личности используется ряд смежных понятий – таких, как «саморазвитие» (И. Кант, К. Ушинский, П. Каптерев, С. Гессен), «смысл жизни» (С. Франк, В. Франкл, В. Сержантов и др.), «личностный смысл» (А. Леонтьев), «жизненная стратегия» (К. Абульханова-Славская), «самоактуализация» (К. Роджерс, А. Маслоу),

«самоутверждение», «судьба» (Л. Коган), «самодетерминация» (Т. Ярошевский), «путь к себе» (Г. Чернявская), которые связаны с понятием самореализации личности. Несмотря на смысловую близость этих понятий, они всё же неравнозначны, поэтому в теоретико-методологическом плане весьма уместно и целесообразно их семантическое разграничение.

С нарастанием глобализационных процессов и связанного с ними перехода к новым научно-информационным технологиям происходит изменение самой парадигмы человеческого прогресса. Его сущностью, основным измерением и функциональным рычагом становится развитие личности, человеческое развитие как таковое. Именно это обстоятельство будет определять конкурентоспособность каждой страны на обозримую перспективу. Поэтому в условиях динамических социальных преобразований, информационного общества и глобализма возрастает роль всего блока гуманитарных наук, позволяющих проанализировать и осознать социальную сущность происходящих изменений, предусмотреть их последствия и наметить пути нивелирования негативных процессов и тенденций. Как аргументировано интерпретирует В. Розин, «развитие в XIX веке гуманитарных и социальных дисциплин способствовало осознанию того обстоятельства, что естественная наука и математика больше не могут рассматриваться как всеобщая форма научного знания» [6]. Впрочем, в XX – в начале XXI в. обозначенные процессы имеют тенденцию к продолжению и усилению, хотя каузальность претерпела некоторые изменения: в частности, ныне обращение к гуманистической проблематике обусловлено тем, что естественные науки отчасти исчерпали свой ресурс экспериментальных исследований и не обладают эмпирическим массивом, необходимым для подтверждения или опровержения своих гипотез (к слову, со временем этот тренд будет только усиливаться). Преобладание позитивистских моделей естественнонаучного познания в первой половине XX в. толкало исследователей на путь резкого противопоставления социально-гуманитарного и естественнонаучного знания. Как предпосылка дальнейшего прогресса науки, эта дихотомия была в определенной степени оправданной, но сейчас, в условиях глубокого

междисциплинарного взаимодействия, такое противопоставление приводит к тому, что знание становится неоправданно раздробленным, лишенным единства и перспектив взаимодействия. Всё более выразительно вырисовывается потребность комплексного исследования проблемы понимания и гуманитарного знания.

Основными чертами современного этапа развития науки в контексте интеграции научного знания являются: высокий удельный вес междисциплинарных и интердисциплинарных исследований; поиск новых форм теории и теоретического исследования, адекватных специфике предмета социогуманитарной науки; возникновение новых «синтетических» наук, которые принимают на себя интеграционные функции по отношению к уже сформировавшимся сферам знания; использование точных методов в исследовании методологических и эпистемологических проблем науки, типологическая демаркация знания; анализ взаимосвязи между гносеологическими и аксиологическими основаниями социогуманитарной сферы знаний. И, безусловно, тенденции усиления междисциплинарных исследований в социогуманитарной сфере следует соотносить с растущим уровнем системных взаимосвязей в современном обществе. Экономика, политика, право, культура, образование, наука, здравоохранение, социальное обеспечение – ни одна из этих сфер деятельности не может ни существовать, ни быть адекватно, комплексно и системно изученной изолированно от других. Уровень взаимовлияния, взаимопроникновения и взаимообусловленности настолько высок, что, говоря словами Н. Лумана, общество уже не может «тематизировать» себя в виде некой своей части – например, как систему хозяйства или как государство. Поэтому каждому социогуманитарному сегменту – пусть даже очень ценящему свою дисциплинарную автономию и суверенитет – предстоит освоить новую глокальную (глобальную и одновременно локальную) мировоззренчески-аксиологическую и телеологическую «систему координат», осознать себя частью эпистемологического единства, интегрального знания.

Список використаних джерел

1. Андрущенко В. Основні характеристики європейської університетської освіти та можливості їх реалізації в системі освіти України // Філософія і методологія розвитку вищої освіти України в контексті євроінтеграційних процесів / Авт. кол. : В. Андрущенко, М. Бойченко, Л. Горбунова,

References

1. Andrushchenko, V. (2011). *Major features of European university education and possibilities of their realization in the education system of Ukraine*. In : *Philosophy and methodology of developing higher education in Ukraine in the context of Euro integration processes*. Kyiv : Pedahohichna dumka. [in Ukrainian]

- В. Лугай та ін. — К. : Педагогічна думка, 2011. — 320 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Изд. 2-е. — М. : Прогресс, 1986. — 445 с.
 3. Бойченко М. Основні парадигми розвитку системи вищої освіти // Філософія і методологія розвитку вищої освіти України в контексті євроінтеграційних процесів / Авт. кол. : В. Андрущенко, М. Бойченко, Л. Горбунова, В. Лугай та ін. — К. : Педагогічна думка, 2011. — 320 с.
 4. Кісіль М. В. Гуманізація вищої освіти як сучасна тенденція / М. В. Кісіль // Інноваційний розвиток суспільства за умов крос-культурних взаємодій : матеріали конференції. — Суми, 2008 — С. 49—51.
 5. Проектный философский словарь : Новые термины и понятия / Под ред. Г. Л. Тульчинского и М. Н. Эпштейна. — СПб. : Алетейя, 2003. — 512 с.
 6. Розин В. М. Наука : происхождение, развитие, типология, новая концептуализация. — М. : 2007 [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. — URL : <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6437> (13.12.2015).
 7. Тульчинский Г. Л. Трансцендентальный субъект, постчеловеческая персонология и новые перспективы гуманитарной парадигмы / Г. Л. Тульчинский // «Я. (А. Слилин) и МЫ». — СПб., 2002. — Вып. X. — С. 528—555.
 2. Bakhtin, M. M. (1986). *Aesthetics of verbal creativity*. 2nd ed. Moscow : Progress. [in Russian]
 3. Boichenko, M. (2011). *Major paradigms of developing the system of higher education*. In : Philosophy and methodology of developing higher education in Ukraine in the context of Euro integration processes. Kyiv : Pedagogichna dumka. [in Ukrainian]
 4. Kysil', M. V. (2008). Humanization of higher education as a modern tendency. *Innovative development of society under conditions of cross-cultural interactions: conference proceedings*. Sumy, 49—51. [in Ukrainian]
 5. Tul'chinskii, G. L., Epshtein, M. N. (2003). *Projective philosophical dictionary : new terms and concepts*. SPb : Aleteia. [in Russian]
 6. Rozin, V. M. (2007). *Science : sources, development, typology, new conceptualization*. Moscow : Centre for Humanitarian Technologies. Retrieved from : <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6437> [in Russian]
 7. Tul'chinskii, G. L. (2002). *Transcendental subject, post-human personology and new prospects of the humanitarian paradigm*. In : Ya. (A. Slinin) and We. SPb, Issue X, 528—555. [in Russian]

Відомості про автора:**Баяужева Анна Олександрівна**

warr1er1@ukr.net

Національний технічний університет України
«Київський політехнічний інститут»
проспект Перемоги 37, м. Київ,
Київська обл., 03056, Україна
doi: <http://dx.doi.org/10.7905/vers.v0i6.1307>

*Надійшла до редакції: 13.12.2015 р.**Прийнята до друку: 21.12.2015 р.***Information about the author :****Bayuzheva Anna Oleksandrivna**

warr1er1@ukr.net

National Technical University of Ukraine
"Kyiv Polytechnic Institute"

37 Peremoha Av., Kyiv, Kyiv region, 03056, Ukraine

doi: <http://dx.doi.org/10.7905/vers.v0i6.1307>*Received at the editorial office: 13.12.2015.**Accepted for publishing: 20.12.2015.*